

Валерий Рогожин

А моя душа
у тебя в руках,
на твоей ладошке
лежит...

Сборник стихов

Валерий Рогожин

**А моя душа у тебя в руках,
на твоей ладошке лежит...**

«Издательские решения»

Рогожин В. П.

А моя душа у тебя в руках, на твоей ладошке лежит... /
В. П. Рогожин — «Издательские решения»,

Перед нами книга автора, юность и молодость которого пришлись на эпоху 70-х — 80-х гг. прошлого столетия. Как молоды мы были, как искренно любили, как верили в себя — эти темы стали основными в произведениях, включенных в данный сборник. Любовь — она вела сквозь годы, любовь светила нам звездой. Стихи, собранные в книге, отличаются мелодичностью и напевностью. Недаром более двадцати из них положены на музыку самодельными и профессиональными авторами.

Содержание

Сладких слов белоснежное кружево	6
«а моя душа у тебя в руках...»	7
«всего и было, что взглянуть в лицо...»	8
«готовлюсь к августу, что делать?»	9
На первый взгляд шатер небесный	10
«чтоб я был где-то, ты должна там быть...»	11
«тепльнь на улице, как в Африке зимой...»	12
«тяжело, когда все непонятно вокруг...»	13
«не умеют в России в меру...»	14
«темно, хоть в воздухе рассвет...»	15
«красная рябина – дальняя дорога...»	16
«декабрь. остаток дней – щепотка...»	17
Чемодан из Египта	18
«пригожих дней вам, бодренького утра...»	19
«мы уплываем, уплываем...»	20
«я еще подожду...»	21
Рождество Христово	23
Вечерняя психология	24
Судьба	25
Новогоднее	26
«последние листки календаря —...»	27
«Вы сегодня извините...»	28
«сегодня я проснулся, думал утро...»	30
Молитва	31
«вторая половина декабря...»	32
«фиолетовый вечер...»	33
Песня о ветре	35
«пойдем со мной на край земли!»	36
«у нас сегодня цветет жасмин...»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**А моя душа у тебя в руках,
на твоей ладошке лежит...
Сборник стихов
Валерий Петрович Рогожин**

© Валерий Петрович Рогожин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сладких слов белоснежное кружево

Когда не в силах достучаться
Ни до друзей, ни до врагов,

Когда нет рядом домочадцев,
И нет у боли берегов,
И все захлестывает валом
Девятым иль каким еще,

И ада нет, небес не стало,
И жизнь по лезвию течет...
Тогда карандаша обломком,
Ломая строчек строй и стать,
Стараешься в порыве ломком
Души частицу записать...

Запомнить несколько мгновений,
Остановить частицу дня,
Не для раздумий и сомнений,
А лишь душевной боли для...

«а моя душа у тебя в руках...»

а моя душа у тебя в руках,
на твоих ладошках лежит...
испокон веков душ мужских река
между женских пальцев дрожит...
ведь такая кроха, как солнца смех,
словно детской улыбки тень...
вот свела ладошки – на сердце грех,
будешь мучиться целый день!

все кормила, ластилась, все плела...
все льнула да шептала про любовь...
пела песни все, да про два крыла
и в зрачки глядела – закипала кровь!..

умотала душенька в зеленыя!
мне же видно жить одному...
и теперь душа моя без меня,
с кем остался я – не пойму...
вот дом на косогоре на пять стен,
а меж стенами – я один...
дом хороший крепкий, да я смятен,
хожу по дому, как меж льдин!..

и теперь душа моя невесть где,
и теперь душа моя невесть с кем!
нет души моей совсем, нет ни где!
нет души моей совсем, нет ни с кем!

расцвели по небесам облака,
у меня же здесь тарарам...
во главе стола бутылъ коньяка,
а не лезет в глотку сто грамм...
на небесном фоне на синеве
летит табун вороных коней...
где душа моя, ой не знаю где...
кто с душой моей? кто там с ней?..

все кормила, ластилась, все плела...
все льнула да шептала про любовь...
пела песни все, да про два крыла
и в зрачки глядела – закипала кровь!..

«ВСЕГО И БЫЛО, ЧТО ВЗГЛЯНУТЬ В ЛИЦО...»

всего и было, что взглянуть в лицо,
взглянуть открыто, прямо, без утайки,
чтоб искорок серебряные стайки
в глазах создали полное кольцо...

всего и было, что увидеть глубь
в зрачках друг друга, чтоб не ошибиться,
чтоб удержаться, чтобы не разбиться,
успеть вдохнуть, коль перехватит грудь...

всего и надо, что понять тоску,
забытость, одиночество вселенной
и холод от забытости наверно...
и трепет от готовности к броску!

чтоб разглядеть за несколько минут
в глазах любовь и слов невыносимость,
не внешний блеск и внешнюю красоту,
а чувства, что внутри в душе живут...

а уж потом слова, поступков грусть,
и радость встреч, и тягость расставаний,
желаний явь, и мифы расстояний,
полет при встрече и ошибок груз.

и серых будней пыль, и суета,
и разговоры, и обид оковы,
и холод слез, тоска, забытость снова,
и келья одиночества со льда!

«ГОТОВЛЮСЬ К АВГУСТУ, ЧТО ДЕЛАТЬ?»

готовлюсь к августу, что делать?
природа повернула вспять,
еще вчера все было белым
да почернело все опять!

так будем, видимо, кругами
бездумно бегать по кольцу,
перемещая оригами
к тому иль к этому концу...

чуть-чуть попробовав пороши,
ныряем в серость мокрых дней,
один день солнечный хороший,
опять вода и снег за ней...

ни лета, ни зимы, ни хляби...
да, в принципе, ни ночь, ни день...
ходи не босиком, не в шляпе —
такая с месяц дребедень!

сел у окна и смежил вежды...
в тумане слышен самолет...
осталась нам одна надежда,
что Дед Мороз нам май пришлет!

На первый взгляд шатер небесный

проснулся ночью – снега россыпь,
ни тротуаров, ни двора —
безлюдный мир, лишь чья-то особь
творит тропу сквозь гладь ковра.

на первый взгляд шатер небесный
свалился на дворовый хлам,
накрыл наш двор неинтересный
и создал остров валаам.

с его озерною равниной,
сосновым шорохом лесов,
скалистых берегов рваниной,
плывущих от звонниц басов,

и с благодатью песнопений,
и с благостью святых крестов,
и с претерпением лишений,
и с святой чистотой постов...
но присмотрелся в темень ночи,
видать нечистый все блажит!
все та же грязь и, между прочим,
вновь тает снег, вода бежит...

«чтоб я был где-то, ты должна там быть...»

чтоб я был где-то, ты должна там быть...
не прямо рядом, просто на планете...
одна, пусть с кем-то, в темноте ли, в свете,
но только непременно где-то быть...

чтоб можно было думать о тебе,
страдать, мечтать, любить и чтобы верить,
что рано или поздно, только двери
откроются для счастья голытьбе.

на музыку тебя переложить,
петь о тебе, иных уже ни слова!
о, Господи, как это мне знакомо!
как это помогает все же жить.

и все слова по букве смаковать,
и пробовать сначала все по звуку,
по пальчику исцеловать всю руку,
прежде чем губы ей поцеловать.

жить и дышать все время лишь тобой,
а иначе нельзя. а то удушье!
и дальше все по этому ж окружью
за именем, как будто бы слепой.

и начинать сначала, и молить,
чтоб мимо шли обиды, и ненастья,
потоки слез, и разные несчастья,
и все, что может душу опалить.

ты где-то будь, я помню, где-то есть.
будь здесь, а нет, то просто где угодно:
в Москве, на Марсе, может где-то в Гродно,
ты будь! Я знаю, что ты здесь!

«теплынь на улице, как в Африке зимой...»

теплынь на улице, как в Африке зимой
в каком-нибудь египте иль марокко.
без льда, без снега – чистая морока,
душе расейской сущий беспокой.

твердят, что потепление везде...
везде я не был, но у нас бесспорно!
мухлюют где-то и при том топорно,
и не иначе, как все кончится в суде!

не могут бесконечно шельмовать,
хоть в чемнибудь должны же проколоться,
а ошибется, как ни бережется,
устанет наконец-то плутовать.

в котельной все дымище над трубой,
везде жара, а там во всю шуруют,
как будто этим дымом там торгуют...
вот и дымят, как в африке зимой!

«ТЯЖЕЛО, КОГДА ВСЕ НЕПОНЯТНО ВОКРУГ...»

тяжело, когда все непонятно вокруг,
когда день со вчера переписан,
когда кто-то с тобою затеял игру,
а в игре ты неожиданно освистан.

остается уйти, сделав вид,
по делам, и заняться как-будто делами,
сесть да чаю попить с молоком пополам,
по-английски, как учат в рекламе.

надо б съездить на кладбище,
в церковь сходить,
только лень заедает, сонливость...
можно около дома кружок наследить,
чтоб закончить сегодня гулливость.

что ж зима вроде стала опять выползать,
там глядишь и морозы случатся...
выпью кофе и сяду чуть-чуть пописать,
стих ведь должен начать получаться!

«не умеют в России в меру...»

не умеют в России в меру,
чтоб чуть-чуть – и на якоря!
коль начнется поход за веру —
жди расстреляного царя!

а пойдет за грудки, за тельник!
с батей сын, стена на стену!
доставай автомат, бездельник,
жизни нет – идем на войну!

грудь в полоску, берет на ухо,
в зубы дым и чертям не брат!
было море, а станет сухо,
был друган – нынче гадский гад!

то же самое и в природе:
была оттепель – враз мороз!
лишь сказал: холодает, вроде.
глянул – холодно и всерьез!

подожди-ка! ведь нету снега!
все померзнет, нельзя пока!
но застряла наша телега,
здесь застряла и в облаках!

«ТЕМНО, ХОТЬ В ВОЗДУХЕ РАССВЕТ...»

темно, хоть в воздухе рассвет,
хоть света нет, но утро все же...
в час ранний visavis – буфет,
хоть с ним же говорю и позже...

декабрь кончается, итог —
уже прибавилась минута,
но даже лишние пяток
нас не волнуют почему-то.

пока практически на час
день свой размер не увеличит,
не очень он волнует нас,
не больно на сердце мурлычет.

уже когда прибавит час,
то час, существенное время,
значительный прибыток даст
он при решении проблемы.

вот так часами тет-на-тет
лежу беседую с буфетом...
худого братцы в этом нет,
да доброго не много в этом.

темно, но в воздухе рассвет...
он ощущается на запах:
стоит, служба, на задних лапах
и преданней созданья нет!

«красная рябина – дальняя дорога...»

красная рябина – дальняя дорога...
ой, была любима, да не очень много,
ой, была любима, да судьбы не знала,
ой, любили крепко, только очень мало!
красная рябина, ягода кровава,
капли роняла налево и направо...

красная рябина, кисти кровоточат...
ничего не знает, ничего не хочет!
конопушка ржавая, красная щербинка,
малая оспина, горюча рябинка...
приманила сладка, заманила стаю...
стая растаяла, больше не взлетает!

красная рябина, а бывает чёрна!
красная рябина, ты навроде терна!
красная рябина – совесть ты людская,
насмерть ты задушишь, исподволь лаская.
приманила в стаю, ягодка кровава,
каплями стекаю налево, направо...

«декабрь. остаток дней – щепотка...»

декабрь. остаток дней – щепотка,
а впрочем меньше – день, день, ночь...
любого года век короткий,
год нынешний уходит прочь.

кто расторопней – варит студень,
спешит шампанское открыть,
не ждать мгновений – месяц грудень,
с наскоку сразу проводить...

и так квартал весь в ожиданиях:
декабрь все ждали, ждали снег,
морозов не было – рыдания
и вот сживаем года век!

не самый худший – были хуже,
бывали лучшие порой,
и этот год был в жизни нужен,
как будет нужен и второй...

хотя грядет год високосный —
намного тяжче прежних лет.
готовьте к встрече завтрак
постный, а следом постный же обед...

Чемодан из Египта

значит я подойду,
только ты объясни, где удобно,
вроде мимо иду,
вроде поезд ищу и вагон...
ты пропустишь меня,
ты о чем-то расскажешь подробно,
здесь как раз все сошлось:
переезд, переход, перегон...

ты чуть-чуть задержись,
он пройдет в это время с вещами...
чемодан из египта
пусть на память себе он возьмет!
там за угол налево,
и садимся в мотор, и отчалим...
а ему чемодан.
он возьмет! он простит! он поймет!

в общем я не спешил,
краем глаза я видел, пардоньте,
как машина рванулась,
словно вел ее сам сатана!
десять лет я терпел,
десять лет словно был я на фронте!
чемодан за червонец —
не слишком большая цена...

«пригожих дней вам, бодренького утра...»

пригожих дней вам, бодренького утра,
здоровья в теле и здоровый дух!
кто сон прервал, тот поступил премудро!
кто спит еще, тот пусть поспит до двух!

на улице морозная погода,
ни голубей, ни даже воронья!
и снега нет, наверно на полгода,
замерзла только криво колея...

и, как всегда, чего-то ждем часами,
сегодня с нетерпеньем снега ждем,
потом начнем вынюхивать носами,
когда же снег заменится дождем?

о, жаждущая жалкая натура,
ты постоянно требуешь еще.
вот так произрастает диктатура,
питаемая похотью трущоб!

«МЫ УПЛЫВАЕМ, УПЛЫВАЕМ...»

мы уплываем, уплываем,
ладонью сжав ладонь друг друга,
по руслу колеи трамвая
и по магической форме круга,

а в воздухе снежинки тают,
рождая музыки взаимность,
и звуки в музыку играют
через ее неудержимость...

и я в глазах твоих сгорая,
в твоих глазах рождаюсь снова
все потому, что жизнь иная
всего лишь грань того же слова.

и разобщенностью течений
в огромном множестве созвучий,
и бесконечностью влечений
вершит его величье случай!

а он ведет сквозь волны бала,
мы с ним проносимся сквозь лица,
чтоб в душу ты ко мне запала,
чтоб я в глазах мог отразиться!

мы уплываем, уплываем...
ладонь в ладони, друг ко другу...
Круг Жизни наш не упываем,
а наша жизнь течет по кругу...

«я еще подожду...»

я еще подожду,
я не буду спешить в этот новый,
в этот странный такой
и в невнятный, таинственный год...
пусть удачливый он,
может быть даже очень фартовый,
я не буду спешить
делать хитрый рискованный ход...

я б вернулся назад
в звездопад, в нашу теплую осень...

я б чуть-чуть обождал
в уходящем спокойном году.

еще раз бы я вспомнил,
что здесь потерял, что я бросил,
и кого я уже
никогда и нигде не найду!

я бы выпил слегка,
погрустил бы светло и неспешно,
может спел бы...
порой песня тоже нужна, как вода...
ну, не вечно сидеть,
потихоньку пошел бы, конечно,
потихоньку отправился
я бы менять те года.

что там много мудрить,
пятерку сменить на шестерку...
вот принять высокосный
заместо простого сложней...
цифру переодеть,
как солдату сменить гимнастерку.
а потом остальное,
но это трудней, но важней.

а теперь дорогие
всех с Новым затейливым радостным!

а теперь со вступленьем
в эпоху шальных обезьян!

поднимаю стакан

с шестисот... семисот...

и еще полстаградусным...

и чтоб не позабыть

для страховки контрольный стакан.

чтобы не было горестей,

чтобы в округе лишь радости,

чтоб находки одни

и уже целый год без потерь

чтобы стол был набит

и вокруг только сладости

хочешь так просто слушай,

а хочешь поверь иль проверь...

Рождество Христово

седое поле, небо в дымке,
и в высоте ни птиц, ни тучи,
но звон вокруг стоит певучий
в фольгой блестящем первозимке,
как будто жаворонок вьется
над не своим, поющим полем,
как будто сердце чаще бьется
неслышанным церковным боем!

а просто день наполнил праздник —
и праздничны и дол, и выси,
и также праздничны все мысли,
и не мешается балясник,
и песня льется самовольно
из недр души по всей округе.
поешь чужую песнь невольно
хоть в Равенсбрюке, хоть в Калуге.

и объяснение простое
событиям несовместимым,
на первый взгляд неукротимым,
но брось домысливать пустое...
все это жизнь, ее основа!
и жизни нашей суть и кровь!
сегодня Рождество Христово!
оно рождает в нас любовь!

Вечерняя психология

Нас было трое, как раз, чтоб слегка...
январь, понедельник, я – третий.
взяли бутылочку мы коньяка,
а больше уже и не светит...

вечером, третьего, мы втроем,
у меня, ну, в обычной кухоньке.
мы с понедельником и январем,
а он скрипучий, он нудный, хоть сухонький!

килька с томатом, селедки чуток...
там, хлебушек черный порезали,
еще полпакета – тропический сок
и вода из-под крана... поле-е-езная!

короче, коньяк за два раза ушел,
закуска – не трогали даже...
Надо идти! Я на шкалик нашел...
– Схожу! – Понедельник отважен!

мы к январю: – Ты добавь сколько есть,
от каждого, мол, по потребности,
а он нам про кризис, да не перечешь,
про трудности, да по бедности!

ему говорю – закрывают сейчас,
а он перекосы, коррупция!
твержу ему: – Вечером купишь лишь квас!
А он мне продукция, конституция...

Взять-то мы взяли, район все же мой,
пристроил в кармане победную,
а, направляясь обратно домой,
всё думал: все мелкие – очень вредные!

Судьба

написан тебе твой жизненный путь,
расписана вся судьба,
и не пытайся менять ее суть —
судьба навсегда одна.
а если решишь, что ты всех умней,
что все способен сменить,
будешь иметь тогда град из камней
и будешь в болоте гнить!

но это ведь тоже твоя судьба,
записана в твой журнал,
и это конечные отруба,
что выделил трибунал.

и вечно у счастья есть свой удел
счастливый, а может нет...
кто-то с пеленок худел не у дел,
кому-то удачи свет!

вот так и выходит: счастливчик сам,
он даже фарт умерял,
да, плачет детина по волосам,
а голову потерял!

но это ведь тоже твоя судьба,
записана в твой журнал,
и это конечные отруба,
что выделил трибунал.

а вот этот ферт несчастливым был,
такая его стезя!
в таких неудачах он с детства жил,
что и поплакать нельзя...

но и несчастнейшему из людей
однажды придет лафа,
когда в реестре последних вестей
выпадет счастья графа...

но это ведь тоже твоя судьба,
записана в твой журнал,
и это конечные отруба,
что выделил трибунал.

Новогоднее

А под праздником ночь, с нею целых два дня!
Этот праздник в единственном роде!
Наконец прекратится возня, суетня,
Наконец завершится мотня, трескотня!
Благодать утвердится в народе.

Мы присядем за стол, мы бокалы нальем,
С оливье, да с нарезкой-колбаской...
И цензурно вполне каждый пьет о своем,
И довольны вдвойне заедаем-жуем,
Кто с опаской, а кто-то с побаской...

С Новым годом! За счастье! Встречаем! Ура!
С Новым годом! Встречаем! Встречаем!
И шутихи гремят во дворе до утра,
И поток угощений, огней и вина
Нескончаем, мой брат, нескончаем!

Но и в вечер такой гаснет чья-то звезда,
Ведь не спит темный горестный вестник...
И крылом осеняет нас чья-то беда,
Чтоб уже не забыли о ней никогда,
Чтобы меньше ходил к нам предвестник...

И шумиха, и пена, огни, шум и гам!..
На минуту мы память разбудем...
Этот год вас забрал, но спокойно пусть вам
Будет в дальних краях, спите с миром вы там...
Мы вас помним, мы вас не забудем!

«последние листки календаря —...»

последние листки календаря —
почетный караул навек убывших
людей, событий в памяти застывших,
безмолвно ждущие явление января.

чем дальше, тем труднее их считать
бумажки эти, символы заката,
последних дней последние солдаты,
последняя не сдавшаяся рать.

такая суетливая судьба
бегущих дней – частичек нашей сути,
застыла часовыми в этой смуте...
остатки армии – штрафная гольтьба.

быть может, это все же благодать:
молчать, смотреть и видеть недостатки,
не дни листать и не считать остатки —
нам впору уж календари считать!

«Вы сегодня извините...»

Вы сегодня извините,
я сегодня очень занят,
просто множество вопросов
накопилось за три дня,
солнце нынче уж в зените,
а меня дорога манит,
и команда в сто матросов
ждет на мостике меня.

мы сегодня спорим с бурей,
мы промчимся через штормы,
и сегодня вал девятый
не опасен нам ни в чём!
ждут средь волн нас сотни фурий,
вызывают звонким горном!
сам Нептун ждет бородатый,
манит в царство калачом!

а еще нас ждут пираты,
в море злобные корсары,
флибустьеры и бандиты
на зеленых островах.
там закопанные клады,
там циклопы, и пожары,
и опасные джигиты —
проворонишь – дело швах!

а на утро я свободен,
утром просто безработный,
утром с самого начала,
утром с раннего утра,
я пока на все пригоден,
а с сутра и беззаботный,
да пока не накачала,
а она качать скоро!

я бегу скорей к любимой,
я к ней падаю в колени,
я прошу ее быть доброй,
пощадить мой организм!
говорю приму я схиму,
говорю, что не от лени,
говорю не будь ты коброй
и с небес спускайся вниз.

мой диванный флот красивый,
он стоит готовый к бою, он
у двери у балконной
рядом с ящиком ТВ...
просто мы вчера по пиву
выходили со стрельбою,
добежали до Сайгона,
и вернулись на брови!

«сегодня я проснулся, думал утро...»

сегодня я проснулся, думал утро,
но это был тот самый трудный час,
когда потемки стали перламутром:
дверь хлопнула, а утро не у нас...

и вдруг вспотев на глупом перепутье:
один ушел, другого нет пока,
лежал вдвоем с какой-то черной жутью...
зачем я здесь? зачем моя строка?

мне не сюда, не здесь ласкать мне песни,
в другой мне город, на другой этаж!
мне в теплый край с высоким поднебесьем!
где счастье, доблесть, дерзость и кураж!

где есть любовь, а есть она я знаю!
туда, где ты светила взглядом мне!
я этим жил, я помню, вспоминаю,
я это знаю, чувствую во сне...

мне в жизнь такую! и случайно замер...
и слово стало горла поперек.
да что же я, как будто полный ламер,
веду себя, как загнанный зверек.

поэт сказал: здесь есть покой и воля!
но жизни нет, ни здесь, ни там – нигде!
а выход есть? стаканчик алкоголя...
и все! забыть! про все, всегда, везде!

сегодня я проснулся, думал утро,
но это был тот самый трудный час,
когда потемки стали перламутром,
но я не помню, это не про нас...

Молитва

вились голуби по-над куполом,
воспаривши до синевы,
и вороны отвратным жупелом
залетели аж от Тывы.
бились калики перехожие
за копеечку, медный грош.
и крестились на храм прохожие
на бездомных и на святош...

стыли слезы морозным жемчугом,
не давая открыть глаза,
за ресницами другим берегом
милосердия образа.
пред иконою не куражиться,
неча драть наизнанку рот,
и чем тише молитва скажется,
тем вернее она дойдёт.

дальний свет через окна брезжится, и
мятется пугливый блик.
с фресок в душу мне зрак прорежется,
с фресок пристально смотрит лик! —
милуй, Боже, меня, я грешен,
даждь ми помощи, помоги...
буду благостен и прилежен,
дай возможность вернуть долги!..

небеса облаками полнятся,
чресла выкрасив в черный цвет...
и летит небесная конница
в неказистый синий просвет... —
Боже, друг мой, отец и учитель!
пусть плывут январь, ноябрь,
но души моей вечный рачитель,
ты свободу мою забери!

не хватает ни сил мне, ни знаний,
ничего не хватает – слаб!
Жду всю жизнь я и так указаний,
все равно я твой старый раб.
Эта жизнь мне подарок от змея,
Изменить ее мне по плечу!
Жить по-божески – это сумею!
Жить по-божески – я хочу!

«вторая половина декабря...»

вторая половина декабря...
пора бы поворачивать к морозам,
к завалам снега, к февраля угрозам
из логова безумца-дикаря...

ведь правда ж ненормальная стезя
дойти к пороше и вернуться в осень?
в своем упрямстве он совсем несносен!
так дальше жить совсем уже нельзя!

а хорошо звучит развод с зимой!
пусть забирает все свои пожитки,
и присланные к праздникам открытки,
и убывает к маменьке домой!

а для меня свобода и простор!
и неча разводиться теперь турусы,
лепить арапа, и плести искусы,
мой ясен путь, и спор вполне, и скор.

когда-то здесь я счастье расточал...
и от успехов все меня качало...
беру билет и все начну сначала!
и первого в начале всех начал!

«фиолетовый вечер...»

фиолетовый вечер
мохнатый и тучный,
словно знатная шуба
пройдохи-купца,
начинался вальяжно,
протекал сладкозвучно,
был пристойно-игривым,
но с повадкой льстеца...

вся округа белела,
с утра порошило,
засыпало изъяны
разбитых дорог,
очень быстро темнело,
видно сильно спешило,
загоняло куда-то
наш забытый мирок...

окна ярко залиты
электрическим светом,
за стеклом воцарился
электрический мир...
на этаж лишь поднялся,
как уносишься в лето,
в царство желтого цвета,
в городок Агадир!

Может даже и дальше,
может в край запредельный,
где бананы и tupa,
апельсин, дуриан,
здесь койоты и пума,
карнавал двухнедельный,
край мулатов и танго,
игуан и лиан...

вместо красного алый,
это кровь из аорты,
это феррум из домны,
это краска любви!
так пылают закаты,
зори разного сорта!
так сражаются двое:
tet-a-tet, visavi!

это tango criollo,
чудом вдруг из эль-чокло,
это буйный мир танго
ночью в русской зиме,
неземной этот танец
через тусклые стекла
воссоздал буйство юга
в сверхсуровой земле...

вечер тучи мохнатит
фиолетово-черный,
ветер пробует прочность
крыши рам и дверей,
и мороз снаряжает
полк отдельный саперный,
укрывает резервы,
насылает борей.

а за стеклами жарко,
а за стеклами танец,
на реке от мороза
взрывов просто поток!
на втором этаже
целый мир-иностранец,
на втором «из зерна
прорастает росток...»¹

¹ Первая строчка из всемирно известного танго «Эль-Чокло»

Песня о ветре

воет ветер, носясь по льду,
разгоняясь по насту, по корке,
тащит он за собой беду
с того края до этой кромки...

только волосы, как поток,
ему силы и злости давший,
вьются следом к витку виток,
только волей жены пославшей!

и несется он взад-вперед,
где жена? где там дом с сараем?
напридумывал – кто поймет?
нарасказывал – как узнаем?

пой, бродяга, несись к братьям,
где-то шестеро все гуляют,
и ищи их хоть там, хоть сям!
передай, что их здесь поджидают.

что давно мы, мол, ждем-пождем,
что забыли, как нос по ветру,
как подбитый, но под дождем,
если в голову, то на метры...

и живем на семи ветрах,
где пассаты, самум, циклоны
на Уграх или Ангарах
ураганы иль аквилоны.

ой, ты ветер, свистун, шематон,
пустельга, шилохвостка, вертушка,
ветропрах, ветродуй, ветрозвон,
буря, вихрь, ветерок, финтиклюшка

воет ветер, носясь по льду,
разгоняясь по насту, по корке,
тащит он за собой беду
с того края до этой кромки...

«пойдем со мной на край земли!»

пойдем со мной на край земли!
посмотрим, что там обнаружим,
быть может встретим, с кем мы дружим
иль кто пришел путем досужим,
а если все там за рубли?
пойдем со мной на край земли!

пойдем со мной на край земли!
заглянем, что за этим краем?
быть может называют раем
все что отсюда озираем,
а может там одни нули?
пойдем со мной на край земли!

пойдем со мной на край земли!
а вдруг там мертвая пустыня
никем не вызнана поныне,
не зная жизни, молча стынет
в грязи, в развалах и в пыли?
пойдем со мной на край земли!

пойдем со мной на край земли!
там может пустота сплошная...
там пусто так, что даже краем
сей мир уже не называем,
нет ничего вблизи, вдали...
пойдем со мной на край земли!

пойдем со мной на край земли!
здесь две слезинки моей милой,
когда-то в них ушли все силы,
фату надев их уронила...
и вот лежат они в пыли,
как память умершей любви.
нет, не пойду на край земли!

«у нас сегодня цветет жасмин...»

у нас сегодня цветет жасмин,
весь город духами пропах,
и привкус жасмина висит на губах,
даже пропитан им сам Фейербах,
в жасмине окрУга за совесть, не страх,
и пахнет жасмином совмин.

в столовой щи, как живой жасмин,
и полон жасмином компот,
в метро от бомжей, как на Ипре несет,
как будто бы там пятнадцатый год,
и стали жасмином травить народ,
а дали б какой витамин...

кричит реклама: – купи жасмин!
но даром по улицам он!
езжай куда хочешь, возьми-ка бидон,
впору на запах играть в бадмингтон,
а можно кому-нибудь впарить баллон,
будет навар, ты не один.

когда по окнам лазит туман,
потея на стекла, калеча форточки,
когда ревматику нужен стакан
иль с петлей на шее на жердочку,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.